

СЕРИЯ «КАК СОЛОМИНКА ПРЕД ВЕТРОМ»

Анна Лукс

У ГОСПОДА
СПАСЕНИЕ

КНИГА ВТОРАЯ

Миссия «Надежда Спасения»
Флорида

МСМ
Санкт-Петербург
2015

«В самом начале своей жизни каждый из нас подобен цветочному бутону — так же закрыт. Только после того, как бутон получит тепло от солнечных лучей и питание из почвы, он раскроется и станет видна вся красота таившегося в нем цветка. Точно так же человеческая личность с самого начала жизни нуждается в тепле человеческой любви и питании, то есть в родительской заботе, для того, чтобы раскрыться и обнаружить всю неповторимую красоту, которую Бог вложил в каждого человека. Все мы являемся произведениями тех, кто нас любит или отказывает нам в любви».

Джон Пауэлл

«И тебя, сын человеческий, Я поставил стражем дому Израилеву, и ты будешь слышать из уст Моих слово и вразумлять их от Меня. Когда Я скажу беззаконнику: „беззаконник! ты смертью умрешь“, а ты не будешь ничего говорить, чтобы предостеречь беззаконника от пути его, — то беззаконник тот умрет за грех свой, но кровь его взьмущу от руки твоей. Если же ты остерегал беззаконника от пути его, чтобы он обратился от него, но он от пути своего не обратился, — то он умирает за грех свой, а ты спас душу твою. И ты, сын человеческий, скажи дому Израилеву: вы говорите так: „преступления наши и грехи наши на нас, и мы истаеваем в них: как же можем мы жить?“ Скажи им: живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был. Обратитесь, обратитесь от злых путей ваших; для чего умирать вам, дом Израилев? И ты, сын человеческий, скажи сынам народа твоего: праведность праведника не спасет в день преступления его, и беззаконник за беззаконие свое не падет в день обращения от беззакония своего, равно как и праведник в день согрешения своего не может остаться в живых за свою праведность».

Иез. 33:7–12

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Непредвиденная встреча	9
Глава 2. Страшный сон	23
Глава 3. В тоннели непримиримости	35
Глава 4. Новое начало	47
Глава 5. Хождение во тьме	63
Глава 6. Ограбленный разум	71
Глава 7. Раб греха	81
Глава 8. Несостоявшийся праздник	97
Глава 9. Поиск счастья	105
Глава 10. Господни милости	117
Глава 11. Неиспользованная возможность	129
Глава 12. Вторичное сиротство	139
Глава 13. В Божьих объятиях	153
Глава 14. Разбуженная совесть	163

Глава 15. Освобождение	177
Глава 16. Маленькие примирители	187
Глава 17. Хитрый план «воспитателя»	201
Глава 18. Колюшкина верность	213
Глава 19. Под рукой Всевышнего	225
Глава 20. Чтобы приобрести сердце мудрое	239
Глава 21. Приобретение больше потерь	251
Глава 22. На тропе восхождения.	267
Глава 23. Открытые ставни души	279
Глава 24. Сей день сотворил Господь.	295
Глава 25. Песнь царю славы.	315

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НЕПРЕДВИДЕННАЯ ВСТРЕЧА

«Многие женщины почему-то думают, что родить ребенка и стать матерью — одно и то же. С тем же успехом можно было бы сказать, что одно и то же — иметь рояль и быть пианистом».

С. Харрис

Самолет набирал высоту. Ольга смотрела в иллюминатор. Там, внизу, простирался ее город, в котором она прожила тридцать лет. Город, в котором набирала силу ее зрелость, строилась ее семья. Город, в котором состоялась ее чудесная встреча с Господом Иисусом. Да, то был город, в котором оставалась частица ее жизни, ее прошлое со всеми удачами и потерями. Прошлое, в котором затерялись ее маленькие и большие ошибки, когда-то совершенные ею грехи, о которых ей было стыдно вспоминать. Но они больше не лежали тяжелым камнем на ее сердце. Все они были уже прощены Великим Богом и покрыты драгоценной кровью ее Спасителя.

Город удалялся, становился все меньше и, наконец, исчез из вида. Белые, пушистые облака тянулись причудливыми формами под крылом самолета.

Ольга закрыла глаза. С ресницы сорвалась маленькая, соленая капелька и растворилась в губной складке. Прощай

город. Прощай прошлое со всем, что имело в нем место — хорошим и плохим. Ничего не исправить, ничего не добавить — закончена и запечатана эта часть Ольгиной жизни. Прошлое не возвращается, если только в обрывках памяти.

Ольга благодарила своего мудрого и доброго Пастыря за весь путь, по которому Он вел ее. Она плакала, но не испытывала неизбывной тоски или удручающей печали. Нет! Она была счастлива в своем небесном блаженстве. В ее жизни был Господь. С Ним она чувствовала себя спокойно и надежно. Он был ее оградой и крепкой скалою. Ее ноги покоились на непоколебимом основании.

Виктор сидел рядом и читал книгу. А может быть, только держал ее в руках и о чем-то думал. Ведь решение на этот перелет далось ему не легко и не сразу. Новая, чужая страна и полная неизвестность не вдохновляли его, а наоборот, подавляли его консервативный жизненный настрой. Все эти годы Виктор работал на одном предприятии и не доработал до пенсии только один месяц. Ему было тяжелее, чем Ольге. У него не было Советника и Утешителя в лице Господа Иисуса. Он не имел божественной веры, надежды и любви. И ему казалась, что основы его жизни поколебались, и нет твердой, надежной опоры под ногами.

Никто, кроме Господа Бога, не знал, что ждет их впереди. Но у Ольги была вера, и ее будущность была в самых мудрых и могущественных руках — руках Христа Владыки. Виктор же, не имея веры, не мог иметь и удостоверения в себе самом. Двое близких людей — муж и жена — имели разные отправные точки в своей жизни. И причиной этому была их духовная несовместимость, которая разделяла их души широким, бездонным рвом.

Ольгины мысли увели ее в далекое, тридцатилетней давности прошлое. Тогда их самолет приземлился в аэропорту города, где им предстояла будущая жизнь: созидание семьи, приобретение друзей и любимой, плодотворной работы.

Виктор и Ольга, ставшие мужем и женой только неделю назад, сошли по трапу самолета и получили свой багаж — пять небольших чемоданов. Это было все их имущество — личные вещи, постельные принадлежности и свадебные подарки родителей и друзей. Тогда они стояли посреди вокзала и смотрели в невидимое будущее, совершенно не представляя, как будет устраиваться их жизнь в неизвестном городе.

Но она устраивалась, даря им радости и печали, тревоги и надежду. Кто стоял за всем тем, что с ними происходило, что они переживали? Конечно, они и не задавались таким вопросом. Они были молоды, влюблены, неопытны и беспечны. Но самое печальное, они были невежественны в духовных вопросах. Они не ведали, что существует Вечный Есмь, Которым все стоит и движется — равно на маленькой, голубой земле и в огромной, бесконечной вселенной.

С этим невидимым Устроителем жизни Ольге предстояло встретиться на этой земле, в этом городе. И, конечно, она не могла знать, какое великое, незакатное счастье ждало ее впереди! Пройдет семнадцать лет, и в одно чудесное утро Ольга проснется чтобы встретить новый день, день, в который произойдет ее встреча с Господом. День, который станет началом ее вечности с Возлюбленным Спасителем. У Виктора с Ольгой будет уже двое деток: дочка и сынок. Хорошая семья, хорошая работа, квартира в центре города, друзья — у них было все, из чего складывается человеческое счастье. Все по приземленному человеческому представлению. Но далеко не все по Божьему установлению.

Только после этой Встречи Ольга начнет понимать, что ее жизнь была очень зыбкой, бессмысленной и даже пустой. Потому что она строилась на эгоистическом основании.

Когда в ее жизнь пришел Истинный Господин, жизнь ее стала преобразовываться и благоухать. И Ольга сделалась неумолчным свидетелем Великого Спасителя к своей сердечной радости. И к радости Небес.

Спустя тридцать лет с тремя чемоданами Виктор и Ольга улетали на другой континент. Между их прежним местом жительства и новым лежал огромный, беспокойный океан. Но над ними бодрствовало Всевидящее Око.

Ольга открыла сумочку и достала маленький блокнот. Его ей вручила перед отлетом любимая сестра во Христе Танюша П.

Здесь были записаны пожелания сестер и братьев Церкви, где Ольга была рождена через молитву покаяния для жизни новой и живой с Богом Любви.

Дина сидела у кровати, где спал ее Русланчик. Она смотрела на любимое личико сына, которое было маленькой копией его отца, человека, причинившего ей столько страданий. Руслан был ее радостью; она восхищалась его развивающимися способностями говорить, ходить и «помогать» своей маме на кухне. Сейчас он спал. Время было позднее — около двух часов ночи. Дина ждала Володю. Она всегда встречала его горячим ужином, желая избежать ночных скандалов или даже побоев. Но сегодня, она была уверена, он не придет домой. Неоднократно такое случалось и прежде. Володя изменял ей и не собирался этого скрывать. Он никогда не оправдывался после очередного своего похождения, а на молчаливый, осуждающий взгляд Дины грубо парировал:

— Что ты уставилась? Я тебе отчета давать не должен! Кто ты такая, вообще? Молчи и не возникай!

Дина молчала, но сердце ее кричало от боли и стыда: «Как можно быть таким жестоким? Так презирать мать своего ребенка! И, действительно, кто я такая здесь? Только — мама Руслана. И „вещь“, которой могут пользоваться, когда захотят».

Мать Володи никогда не вставала на защиту Дины. Она сама боялась сына, который и прежде не выражал никакого почтения к ней, а теперь нередко повышал голос.

Во всем его поведении просматривалась потребительская, хищническая натура. Он не искал работу, и семья, по сути, жила на пенсию старой женщины да небольшой заработок Дины.

Сейчас мать Володи спала в своей маленькой, без окон комнатке, совершенно не тревожась по поводу отсутствия сына. Она не пыталась обуздывать его и звать к его совести. Нет! Скорее она осуждала Дину, срывая на ней свое недовольство сыном...

Дина взглянула на часы. Половина третьего. Она прилегла на краешек кровати рядом с сыном и свернулась клубочком, прикрыв ноги одеяльцем сынишки. Непрошенная слеза скатилась по ее щеке; она всхлинула, но тут же прикусила губу, стараясь болевым движением остановить рвущееся наружу рыдание...

Наконец, сон сомкнул ее ресницы, унося от суровой действительности в желанное забытье.

...Утро заглядывало в ее окно и рассыпало по стенам и полу солнечные зайчики от лучей, прорывающихся сквозь листву молодой березки в их полисаднике. Дина ласково провела по волосикам Руслана своей теплой, материнской ладонью. «Милый, ты спишь спокойно, не зная, что твой отец, каждый раз изменяя твоей матери, предает и тебя. Прости нас, маленький. Мы не можем дать тебе родительскую верность и радовать тебя семейным уютом. Тебе уже скоро четыре, и я, и ты все еще носим фамилию моей потерявшейся матери. И что впереди?»

Дина услышала шаркающие шаги, доносившиеся из кухни: встала мать Володи. Шаги приблизились, и зазвучал хрипловатый голос Клавдии Васильевны:

— Динка, ты еще спишь что ли? Я поехала к дочери. Приеду после обеда. Поняла?

— Поняла, мама! А завтракать? Я сейчас быстро...

— Чай пила. У дочери поем.

Заскрепела входная дверь, и все стихло.

Дина улыбнулась. Она оставалась одна с Русланчиком на целых полдня! Есть время почитать Библию, которую она прятала от взоров Володи и Клавдии Васильевны. Но сначала нужно приготовить обед из скудных запасов и навести порядок во дворе. Дина вышла на крыльцо. День обещал быть теплым, солнечным.

Весна! Дина любила это время года. Она помнила, как Ольга Андреевна рассказывала им, девочкам из интерната, о будущей Вечной Весне, которая откроется для всех спасенных в Царстве Небесном. И сейчас она словно услышала знакомый и такой любимый голос Ольги, поющий им о Вечной Весне:

*Весна вновь наш край посетила
Блеснула в ручьях серебром,
Снега на полях растопила
Своим благодатным теплом.
А сердце томится и сердце ждет,
Сердце печальную песню поет.
Когда же с небес к нам придет
Вечная весна?*

— Мама! — Руслан стоял рядом и дергал Дину за подол халатика. — Мама, я хосу на улицу.

— Сначала я сварю тебе кашку, а потом ты мне поможешь убраться во дворе. Будем вместе греться на солнышке. Хорошо, сыночек?

— Хоросо! Я быстро скусаю и сразу пойдем, да? — Руслан не выговаривал шипящие, и слова с этими буквами из его уст звучали очень забавно.

— Да, милый! Но сначала нужно одеться. Я помогу тебе. Пойдем в дом, Рустик!

Пока Дина хлопотала на кухне, готовя завтрак, Руслан перелистывал потертую книжицу с картинками и что-то лопотал, передавая на своем детском языке содержание картинок.

— Куроска у деды и бабы... присла мыска... упало яиско и бах-бах... нету яиска. Баба пласит и деда пласит. Куроска говорит я другое яиско вам принесу. Мама, а я яиско хосу. Свари мне яиско. Ага?

— Солнышко мое, у нас нет курочек, ты же знаешь. А в магазине яйца очень дорогие. Мама не может купить.

— А молоско у тебя есть?

Дина подошла к сыну и нежно погладила его по головке:

— Русланчик, и молочка тоже нет. Скоро мама зарабатывает денежки и купит тебе молочко. Потерпи, родненький.

— А у папы денески есть?

— Я не знаю, сыночек. Наверное, нет. Давай, будем кушать. Я сварила тебе кашку. Она сладенькая. И вот еще и маслица налью. Вкусенькая будет.

Дина налила в свареную на воде манку ложку подсолнечного масла. Руслан взял ложку и начал кушать.

— Правда, вкусенькая кашка, сына?

Дина смотрела, как Руслан кушает, зачерпывая ложечкой синюшную жижицу, и слеза жалости к сыну заволочла ее глаза. Она пила чай с хлебом вприкуску с сушеными яблоками, которые она заготовила из паданцев прошлой осенью. Их маленький холодильник был пуст. Там стояла только ополовиненная бутылка растительного масла да несколько пачек вермишелевого сухого супа.

Руслан доел кашу и открыл ротик. Дина знала, Руслан ждет ложечку сахарного песку. Это было его обычное угощение после такой каши. Она улыбнулась и исполнила его желание.

— Спасибо, мамоска! А теперь пойдём убираться во дворе.

— Пойдём, конечно же! Солнышко такое теплое сегодня.

Посмотрим, как оно нам улыбается.

Дина притянула к себе сына и чмокнула его в щечку. Руслан бросился к двери и выскочил во двор. Дина вышла следом.

Двор был небольшой, но хлама в нем хватало. У покосившегося заборчика стояли поржавевшие ведра, в них хранился песок. Еще в прошлом году Дина принесла его с речного берега для Руслана. Малыш любил играть в песочнице. Чтобы сохранить песок от снега и дождя, Дина заполнила им старые ведра и накрыла клеенкой, сверху водрузив доску.

— Рустик, я тебе сейчас сделаю песочницу. Ты помнишь, как ты играл в песочке в прошлом году?

— Ур-ра! Я буду играть и помогать тебе, мама.

— Как же это возможно, играть и помогать? Возми-ка веник и подмети вот здесь, я сюда тебе песочек высыплю и досточками огорожу. Получится настоящая песочница.

Руслан послушно взял из рук матери веник и стал мети в указанном ею месте. Он мел старательно, проводя веником по одному и тому же месту несколько раз и вскоре образовалась небольшая площадка, резко отличающаяся своей опрятностью от всего дворика. Дина в это время собрала широкие штакетины и, вбив колышки, вложила их между ними. Получилась оградка размером метр на метр. Дина высыпала песок, и Руслан захлопал в ладошки.

— Вот и готова моя песочница! Мам, давай построим домик.

— Я еще не все закончила, сынок. Ты сам начинай, а я попозже к тебе присоединюсь. Вообще-то, лучше подожди. Позволь солнышку песочек прогреть. А ты пока собери вон те веточки и палки и отнеси их за дом.

Руслан не спорил с мамой — стал собирать. Дина понесла ведра в крохотный чуланчик, где хранился всякий сбор старых вещей — а вдруг пригодится в хозяйстве.

— Здравствуй, мальчик! — незнакомый женский голос прервал работу Руслана. — Как тебя зовут, маленький хозяин? А мама твоя дома?

Руслан помотрел на женщину и смело произнес:

— А ты кто, тетенька? Мама сейчас придет. Вон она! Мама, мама, к нам тетя присла... сузая.

— Здравствуй, Дина, — незнакомка всем телом подалась вперед, облокотившись на калитку и внимательно всматриваясь в приближающуюся к ней молодую женщину.

— Здравствуйте!

— Можно мне зайти? У меня есть к тебе разговор.

Что-то дрогнуло внутри у Дины. «Какой разговор может быть у этой чужой женщины ко мне? Возможно, причина этому... Володя?»

— Да, конечно, входите. Проходите в дом — не на улице же нам беседовать. Руслан, ты тоже заходи. Позже поиграешь в песочнице.

И видя, что мальчик очень огорчился, Дина обняла его и что-то шепнула на ушко. Малыш закивал головой и побежал в дом.

Дина усадила гостью и прошла следом за сыном в спальню. Тихонько увещевая Руслана, она подала ему коробку со старыми открытками, поцеловала и, выйдя, закрыла за собой дверь.

Прислонившись к стене, Дина скрестила руки на груди, словно принимая защитную позицию, и осторожно спросила женщину:

— Откуда вы знаете мое имя?

— Я сама тебе его дала. Я — твоя мать.

Дина вздрогнула, широко раскрытыми глазами она смотрела на женщину, которая назвала себя ее матерью.

— Как вы э-это докажете?

— Смотри, вот мой паспорт. Здесь написано Морошкина Евдокия Григорьевна. И твоя фамилия Морошкина. Дина Морошкина.

— Да, я — Морошкина Дина. Только... где вы были все это время? Мне уже скоро двадцать один. И все эти годы вы не искали меня. Или не так?

— Не искала, правда. Но вспоминала иногда. Ты не думай, что мне что-то от тебя надо. Просто я теперь живу здесь, в городе. Живу с одним мужчиной. Иваном его кличут. Мы с ним уже лет пять вместе ляжку жизни тянем. У него брат умер, а дом остался без хозяина. Дом хороший. Огород есть, виноград. Что не жить?! Дочку ему родила. Он меня и прописал. Да и Машку на свое имя записал — удочерил, значит.

Неделю назад сходила в интернат, и мне сказали, что ты живешь с бывшим воспитателем Володькой. Этот малец твой сын, стало быть? Ага?! Хочу тебя в гости пригласить. Все-таки, сестренка у тебя появилась. Ей уже два года. Ну, что ты смотришь так? Или не поняла еще, что в жизни может все случиться?

— Поняла! — Дина вздохнула и расслабилась. Села на табурет. Руки, сложенные на коленях, мелко дрожали. — Мне трудно назвать вас... мамой. Я очень ждала маму... часто смотрела в окно из своей интернатовской комнаты и в каждой проходящей женщине хотела узнать свою маму. Но ни одна из них не пришла ко мне. А теперь только это случилось... когда я ждать перестала. И я ничего не чувствую.

— Позови сына. Поедем ко мне. Мой мужик не будет против. Он дурит только, когда выпьет.

— А вы... ты тоже пьешь?

— Бывает. Раньше пила много и часто. Теперь реже. Машка появилась. Да и гонит он меня, когда я пьяная. Тоска! Ну, зачем тебе это все? Поедем, Машку посмотришь. Она мне тебя напоминает, когда ты маленькой была.

— Я не могу сегодня поехать. Если вы... ты оставишь мне адрес, я, думаю, что на неделе получится. И как я *это* объясню Руслану?

— Позови его, я сама ему скажу, что я его бабушка. Если ты не против.

— Нет, не нужно. Пока. Он ведь в простоте своей детской все расскажет отцу. Нет, не время, думаю...

— Дин, дай я хоть обниму тебя. Все-таки... родная кровинка. Хоть и выросла без меня... Я бы хотела, чтобы ты меня мамой звала... Сможешь?

— Я Ольгу Андреевну часто в мыслях мамой называла. Она мне много добра сделала...

— Кто это — Ольга Андреевна?

— Верующая она. Христианка. Она к нам в интернат приходила, рассказывала о Господе. Об Иисусе Христе. Ты слышала о Нем что-нибудь?

— У моего... ну... у отца Маши есть Новый Завет. Как-то я читала немного. Только ничего не поняла. Пустое это все. Где Он, Бог-то? Смотри, что творится вокруг? Я не верю ни во что. А ты?

— Верю! Только вера моя слабая. Но я не сомневаюсь, что Бог есть. Я бы так верить хотела, как Ольга Андреевна. Она всегда с Иисусом. И Он — с ней. Поэтому она — добрая.

— Я в своей жизни столько повидала разных людей, тебе и не снилось. И все они «добрые», но чуть что, готовы один другого сгрызть. Ну если ты ехать ко мне не хочешь, расскажи хоть, как живешь. Муж-то где?

Дина опустила глаза и тихо произнесла:

— Не муж он мне. Мы не расписаны. И сын на моей, то есть, на твоей фамилии. Морошкин Руслан. А что еще рассказывать?

— Видно, не сладко тебе живется здесь. Бьет он тебя? Вижу, бьет. Такая наша женская доля! Меня тоже много били. Все мужики на один манер сплетены. Вот, и твой отец

бил меня. Я тогда выпивать начала... от горя. Да он и сам пил. Ничего у нас не получалось. Мать у него была — старуха привредная. Она его против меня настраивала. Я ее и припугнула с пьяной головы. Так она на меня заявила, что я на ее жизнь покушаюсь. Осудили меня на три года. Тебя в интернат определили. После освобождения я сюда не вернулась. А через несколько лет такая же «трогательная» история повторилась. Только на этот раз подружку свою побила. Было за что.

Пять лет дали... Потом Ивана встретила. Его тоже жизнь поносила. Сошлись мы, сюда приехали, дом Ивану брат завещал. Вот и живем. А теперь Маша появилась. От нее впервые услышала слово «мама». И тебя увидеть захотелось. Прости меня, а, Дина? Может, я пить брошу. Надоело мне все. Жутко надоело!

Дина слушала печальную исповедь сидящей напротив женщины и ей хотелось прервать ее таким кратким, но теплым словом «мама». Ей было жаль ее. Очень! Хотелось подойти, пожалеть и обнять. Она заметила на ее лице следы нетрезвой жизни и многих невзгод.

Дина видела, что судьба этой женщины аукается в ее собственной, Дининой судьбе. И ей стало страшно. За себя, за Руслана. За свою будущность, сокрытую волнами будущих лет.

В памяти Дины осветились слова назидания Ольги Андреевны, которые она не один раз говорила им, интернатовским девчонкам, когда они вспоминали своих родителей: «Девочки, вы не держите злых мыслей на свою маму или отца. Они же не знали Господа, поэтому не имели никакого света и силы для борьбы с грехом. Вы же знаете уже об Иисусе. Молитесь о себе и о них. Старайтесь полюбить их. Ваши родители уже сами наказали себя разлукой с вами».

Слова Ольги Андреевны уже звучали внутри ее сердца, и оно было тронуто истинным состраданием. Дина встала

и подошла к той, которую она так долго ждала — все свое детство и юность. К своей маме. Присела напротив на корточки и с теплотой в голосе произнесла:

— Хорошо, что ты пришла, мама. Я тоже очень радовалась, когда услышала от Руслана это сладкое слово «мама». Мне всегда тебя не хватало, и я очень боюсь за Руслана. Хочу, чтобы у него был папа и была мама. Вот поэтому все терплю и надеюсь. И еще у меня есть чудесная возможность — молиться Господу. И я принимаю тебя как мою маму. Хочу, чтобы тебе было хорошо. Пусть между нами будут добрые отношения. Ты ведь тоже этого хочешь? Господь на стороне тех, кто творит добро, а не зло. Меня этому учила Ольга Андреевна. Она говорила, что любовь приходит от Бога. Я хочу полюбить тебя и все тебе прощаю, мама.

Мать Дины никак не ожидала таких слов от оставленной ею давным-давно дочери. Она привыкла к грубости, которая сопровождала ее всю жизнь. Да и сама она никому не подарила ласки, даже к Маше относилась без особой нежности, потому что не научилась любить, не получая ни от кого и не даря никому этого славного, жизненного чувства. Порок, живший в ней, сумел ожесточить ее сердце и опустошил ее душу. Она не испытывала ни привязанности, ни нежности, ни заботы о ком-либо: невозможно иметь то, чего не получил.

Дина поднялась и осторожным движением руки коснулась плеча матери. Евдокия встала со стула и протянула руки к дочери. Дина заметила, как они мелко дрожали.

Она смущенно прильнула к матери и, несмело обнимая ее, подумала: «И все-таки, никогда не вернуть того, что потеряно. Никогда мы не сможем восполнить то, что ушло безвозвратно!»